

История началась следующим образом.

Лян Циншэн и Фэн Ли состояли в романтических отношениях. Они познакомились еще в старшей школе: Лян Циншэн был беспутным хулиганом, а Фэн Ли — всеобщим любимцем и образцовым учеником.

Их пути никогда бы не пересеклись, если бы не любовное письмо с признанием от Фэн Ли, положившее начало их истории.

Лян Циншэн к тому моменту уже пару лет слонялся без дела: в школьных науках он не смыслил ничего, зато в уличных драках и тайском боксе преуспевал во всем, ведя себя дерзко и безнаказанно. Однако после того, как он начал встречаться с Фэн Ли, ему пришлось стать сдержаннее.

Они официально объявили себя парой в день совершеннолетия Фэн Ли, когда тому исполнилось восемнадцать. Спустя три месяца после начала их отношений предстояло сдавать государственные экзамены. Изначально Лян Циншэн вовсе не собирался уезжать из города А, да и родители уже распланировали его будущее и устройство на работу.

Но поскольку мечтой Фэн Ли был университет Б, Лян Циншэн без колебаний поступил в... технический колледж, расположенный прямо по соседству с этим университетом.

В последнее время Лян Циншэн словно попал под действие злого наваждения: ему снова и снова снился один и тот же сон. Обстановка в сновидении была настолько реальной, будто он наяву вернулся в выпускной класс старшей школы.

В первой части сна неизменно повторялись их с Фэн Ли сладкие романтические моменты, но ближе к полуночи сон менялся: он видел, как Фэн Ли страстно целуется в губы с каким-то незнакомым ему мужчиной и позволяет тому себя ласкать.

Когда Лян Циншэн проснулся после первого такого сна, он не удержался и выругался, думая, не сошел ли он с ума: надо же додуматься во сне самому себе наставить рога!

Второй раз заставил Лян Циншэна насторожиться.

На третий раз Лян Циншэн отправился прямо в буддийский храм — проверить, не навели ли на него порчу. В четвёртый раз он начал внимательно присматривать за местом и проступающими деталями времени.

Судя по Фэн Ли в праздничном колпаке и тарту на столе в караоке, время, должно быть, совпадало с днём рождения Фэн Ли.

Что касается места, то, судя по знакомой обстановке и интерьеру, если не было какой-то ошибки, это было то самое римское караоке рядом с их университетом.

Разобравшись со всем этим, Лян Циншэн подумал, что самое грёбаное во всём этом... больше ему этот сон не снился никогда.

— Чёрт, неужели какая-то высшая сила посмотрела на то, что меня так бесстыдно рогатыми делают, не выдержала и спустилась с небес, чтобы наставить меня на путь истинный? — Лян Циншэн прикусил сигарету и, помрачнев, уставился на несколько красных точек в самом верху списка чатов в Вичате — там были планы и задумки его парня Фэн Ли.

У самого Лян Циншэна водились кое-какие деньги, а вот семья Фэн Ли жила небогато, поэтому все расходы вроде угощения в ресторанах или походов в караоке с выпивкой он обычно брал на себя, заранее всё оплачивая и организуя.

Сейчас Лян Циншэн вдруг почувствовал, что ему совсем не хочется всем этим заниматься, но пока всё окончательно не прояснилось, он всё же с хмурым видом открыл телефон и оплатил бронь кабинки.

— Ого, а что это с нашим брательником Ляном? Сколько же ты выкурил, у нас в общежитии уже прямо небесная обитель образовалась, мать её, — дверь открыл его сокурсник по общежитию Люй Гэ, кривляясь в наглой усмешке. Общежитие было новым, построенным недавно. Все четыре спальных места были устроены по принципу стол внизу, кровать наверху — условия считались очень даже неплохими. Больше всего Лян Циншэна радовало то, что все четверо курили.

Никто никого не чурался.

— Завтра у Фэн Ли день рождения. — Лян Циншэн потушил сигарету о пепельницу, выдохнул мутный дым и равнодушно произнес:

— Ого, оказывается, у нашего маленького лебедя день рождения. — Люй Гэ приподнял бровь, намеренно назвав Фэн Ли маленьким лебедем, чтобы подразнить его. И ведь в точку: когда Фэн Ли только с ними познакомился, разве не был он заносчивым, точь-в-точь как гордый лебедь?

Явно презирал парней из колледжа, но подарки от своего парня-колледжа принимал исправно, до последнего.

Они встречались уже два года. Поначалу соседи по комнате даже шумно зазывали их пойти поужинать вместе, познакомиться, но этот маленький лебедь не захотел, а они были не из тех надоедливых людей, чтобы возвращаться к этой теме.

Родители Лян Циншэна порой, глядя на баланс банковской карты, искренне переживали: не подсел ли их сынок в колледже на наркотики?

— Чего это ты тут кручинишься? Подарок куплен, деньги потрачены, о чем еще беспокоиться? — Люй Гэ снял рюкзак, только что вернувшись с ужина.

— Тц, ни о чем. — Лян Циншэн хоть лицом и не вышел плохо, но глаза и брови у него были суровые, ростом он был под метр девяносто, саредней здоровой смуглостью кожи — из тех парней, от одного взгляда на которых на улице хулиганы и карманники предпочитали делать крюк.

Раз он не хотел говорить, Люй Гэ пожал плечами и замолчал.

Ночью Лян Циншэн ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть, пока толстяк Ван Ши с

соседней кровати не обругал его: — Ты что, блядь, лепешку на сковородке переворачиваешь? Или у тебя в постели гвозди торчат, что лечь не можешь?

— Отвали. — Лян Циншэн открыл глаза, ощущая в сердце невыразимую тревогу и беспокойство. Заметив, что из-за занавесок на всех трех кроватях всё еще пробивается свет, он огрызнулся в ответ: — Вы чего среди ночи не спите, мертвецов вызываете?

— Тц-тц, завтра же суббота, у нас нет дней рождения никаких парней, чего спать-то так рано? — Другой голос звучал более по-юношески, с характерным интернет-акцентом — это подал голос их общежитский сетевой кумир Шен Хэ.

— — Поразмыслив как следует, он в конце концов спросил: — Что вы думаете о характере Фэн Ли?

Соседи по комнате ни капли не дискриминировали его за сексуальную ориентацию. И хотя на Фэн Ли у них, возможно, и имелся зуб, при Лян Циншэне они никогда об этом не распространялись — впрочем, и сам Лян Циншэн особо не трепался с друзьями о своем парне.

В спальне на мгновение воцарилась странная тишина, пока Шен Хэ первым не ответил невнятным бормотанием: — Твой парень, сам считаешь, что он хорош — и ладно, нам-то какое дело?

— Точно, даже если мы скажем, что он плох, ты что, расстанешься с ним? — Ван Ши говорил в шутливой манере, но в душе его уже разгорался огонь сплетника. — У вас что, какие-то проблемы в отношениях? Ну-ка, выкладывай, дай братьям порадоваться. Люй Гэ неторопливо произнес:

— Если говорить на чистоту, то могу лишь сказать, что у нашей Маленькой Лебедушки слишком высокие запросы, мы с ней из разных миров.

Он всегда выражался прямо и без всякого злого умысла.

Лян Циншэн погрузился в молчание. Лёжа на кровати в тишине, он почувствовал, как раздражение в груди стало еще отчетливее. Пожалуй, он и сам понимал, что сосед по комнате на самом деле не слишком-то верил в их пару.

Ворочаясь с боку на бок и не в силах уснуть, он заглянул в телефон — было полчетвертого утра. Он поднялся, немного посидел в соцсетях, а когда глаза от усталости заслезились и заныли, снова закрыл их и кое-как забылся тревожным сном.

В их общежитии утро не наступало рано, обычно все валялись в постелях. Но Лян Циншэн, едва подумав о том, что должно случиться сегодня, потерял сон и встал уже после восьми.

Пробежав несколько кругов по пластиковой беговой дорожке стадиона и хорошенько пропотев, он зашел в столовую за завтраком. Возвращаться в комнату было еще рано — никто не проснулся, — и он отправился в душевую.

Стоило ему закончить водные процедуры, как пришло сообщение от Фэн Ли.

Сокровище: [Муж проснулся?]

Тот всегда так обращался к нему в мессенджере — нежно и ласково, но при встрече неизменно тушевался, легко смущаясь, да к тому же обладал мягкой внешностью и привычкой краснеть

по пустякам.

Лян Циншэн попросту не решался и дальше давить на него. Стоило ему хоть в чем-то отказать, как Фэн Ли, даже тяжело переживая отказ, молча терпел. Вот так они и встречались уже почти три года, но до близких отношений дело так и не дошло.

Если бы такое всплыло в кругу геев, над Лян Циншэном наверняка стали бы подшучивать, называя парнем, у которого вечно ничего не стоит.

Лян Циншэн долго смотрел на телефон в задумчивости, пока на экране не всплыло новое уведомление.

На этот раз прилетел стикер с ластящимся котиком.

Очень милый.

[Угу, только проснулся.]

[Муж сегодня так рано проснулся. Доброе утро, чмок-чмок.]

Лян Циншэн взглянул на часы: половина одиннадцатого.

Вообще-то не так уж рано, но поскольку по будням он обычно поднимался ближе к полудню, по его собственному распорядку это действительно было рано.

[Позавтракал?]

Лян Циншэн нащупал тему для разговора, мысленно повторив про себя два раза: это его парень.

Он думал о том, что если сегодня ничего не случится, он принесет извинения за собственные подозрения. Разозлится Фэн Ли — он станет бесстыдно и настойчиво вымаливать прощение.

[Еще нет, хочу оставить место для хорошего обеда. Хи-хи.]

Лян Циншэн тронул уголками губ улыбку, но та еще не успела исчезнуть, как он прочитал следующее сообщение, и круги на воде в его сердце тут же стихли.

[Муж, мы же заказали большую кабинку для караоке на вечер? Мои соседи по комнате и друзья из студсовета тоже придут. Переживаю, что в маленькой будет слишком неловко.]

Лян Циншэн: [Скриншот] Скриншот экрана оплаты.

Лян Циншэн: [Заказал самую большую.]

[Ой, как здорово, погоди, я сейчас подсчитаю и скину деньги. Чмок-чмок.]

Лян Циншэн ответил как обычно: [Не нужно.]

[Муж такой хороший, чмок-чмок-чмок-чмок.]

Лян Циншэн: [Чмок.]

После этого переписка заглохла. Лян Циншэн включил компьютер, собираясь немного

поиграть, но внезапно почувствовал, что это бессмысленно, и просто застыл в кресле с пустым взглядом.

Ван Ши, сонный и растрепанный, спустился с кровати в туалет и, заметив застывшего перед монитором Лян Циншэна похожего на каменное изваяние, испуганно выругался:

— Екарный бабай, чего это ты с утра пораньше сидишь перед компом и молишься?

Лян Циншэн бросил на него косой взгляд и ничего не ответил. Вытащив сигарету, он щелкнул зажигалкой и принялся молча курить, а в голове крутились лишь сценки из их совместной жизни с Фэн Ли.

Если присмотреться сквозь пелену сомнений, во всем этом и правда прослеживалась своя логика.

Ван Ши, выходя из уборной после смыва, прищурился и бросил:

— Во сколько сваливаешь?

— В час, — глухим и хриплым от табачного дыма голосом ответил Лян Циншэн.

— Понял, а ночевать вернешься? — снова поинтересовался Ван Ши.

Лян Циншэн затянулся с такой силой, что на мгновение поморщился, сизый дым размыл его суровые черты лица, и тихо процедил сквозь зубы два слова:

— Вернусь.

Ван Ши тут же насмешливо фыркнул:

— Твою ж мать, полный абсурд. Сам Платон на твоём месте назвал бы тебя своим учителем.

Затем его двухсоткилограммовая туша затряслась, но вполне ловко забралась обратно на кровать. Стоило натянуть одеяло, как комната наполнилась раскатистым храпом.

Иногда Лян Циншэн и сам чувствовал, как сильно он деградировал: целыми днями слоняясь без дела, после переезда в город Б он словно стал крутиться исключительно вокруг Фэн Ли. Наверное, всё дело было в том, что в самом начале им двигала всепоглощающая, кипучая страсть.

Он сделал Фэн Ли чем-то вроде своего духовного прибежища в незнакомом городе, не иначе.

Этот университет отнюдь не блистал престижем.

Впрочем, с тогдашними баллами Лян Циншэна всё равно было не светить хорошим учебным заведениям.

Он всегда считал, что учиться никогда не поздно, к тому же финансовое положение семьи позволяло не беспокоиться о будущем: захочет ли он освоить какое-нибудь ремесло или просто унаследует семейный бизнес — казалось, возможно абсолютно всё.

Такая беззаботная жизнь, лишённая малейшего намека на кризис, превратила его в лягушку, варящуюся в медленно нагреваемой воде, которая уже не желала шевелиться.

Он представил гипотетическую ситуацию: потеряй он Фэн Ли, что тогда останется?

Это внезапное ощущение надвигающейся беды выглядело инородным телом в атмосфере их расслабленного и запущенного общежития.

Конечно, по сути, у него никогда ничего по-настоящему и не было, так что о потере говорить не приходилось. Самым завидному поступком за эти три года было лишь обладание парнем, который отлично учился и неплохо выглядел.

Годы — два или три года — пролетали так медленно, словно нехотя утекая сквозь пальцы.

Он прекрасно понимал, что винить некого: это был его собственный выбор. И всё же, если Фэн Ли действительно предаст его, Лян Циншэн не знал, на что он окажется способен.

Эту короткую задумчивость, вызванную странным сном, прервало оповещение на телефоне, мгновенно развеяв все тревоги.

Пришло сообщение от Фэн Ли.

[Я выехал, муж, встретить меня у ворот нашего университета.]

<http://bllate.org/book/21585/2224490>